

УДК 947(470+571)

DOI: 10.25730/VSU.2070.21.016

Советская Россия на Гаагской конференции 1922 г.

Н. Е. Быстрова

доктор исторических наук, ученый секретарь, Институт российской истории РАН.
Россия, г. Москва. E-mail: iriran@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена истории международной финансово-экономической конференции, проходившей с 15 июня по 20 июля 1922 г. в Гааге. Эта конференция стала продолжением проходившей в том же году Генуэзской конференции. В Гааге собрались правительственные эксперты и крупные предприниматели, чьи интересы были тесно связаны с Россией. Гаагской конференции, по мнению советского руководства, предстояло в первую очередь заняться вопросом финансовой помощи России, и только после решения этого вопроса следовало перейти к обсуждению других, не решенных в Генуе, вопросов.

На новом архивном материале, в частности, документах из особой коллекции «Досье газетных вырезок из советской и мировой иностранной прессы за 1917–1935 гг.», хранящейся в Научном архиве Института российской истории РАН, показан процесс разработки тактики российской делегации на конференции, ее программы. Повестка дня Гаагской конференции включала вопросы о претензиях западных стран к Советскому государству, связанных с национализацией собственности иностранцев и аннулированием долгов царского и Временного правительств, о возможности и условиях предоставления кредитов России. В Гааге российская делегация заявила о готовности обсуждать формы компенсации тем бывшим иностранным собственникам, которые не будут удовлетворены формой компенсации в виде концессии, при условии, что Советское правительство получит определенное заявление о предоставлении ему кредитов. Однако без согласия России на выплату долгов, реституции собственности иностранцев и компенсации потерь от национализации западные страны обсуждать вопрос о кредитах отказались. Обосновываются выводы о том, что после Гааги усилилось движение правительства большевиков в сторону реальной политики; при этом развитие различных форм хозяйственных связей Советской России с западными странами прокладывало путь к нормализации политических отношений между ними, готовя почву для дипломатического признания советского государства.

Ключевые слова: Гаагская конференция 1922 г., М. М. Литвинов, русская проблема, долги царского и Временного правительств, частная собственность, кредиты, Русская и Нерусская комиссии, концессии.

Уроки и опыт конференций 1922 г. в Генуе и Гааге, ставших первыми серьезными попытками нормализации политических и торгово-экономических отношений между Советской Россией и странами Запада, не теряют своей актуальности. Объективные основы советской внешней политики, опыт её становления, дипломатическая история формирования нового мирового порядка по-прежнему находятся в фокусе интересов исследователей.

В Гааге встретились представители заседавших с 10 апреля по 19 мая 1922 г. в Генуе государств, кроме Германии, которая, по словам премьер-министра Великобритании Д. Ллойд Джорджа, сепаратным соглашением в Рапалло исключила себя из предстоявших переговоров по вопросам, относившимся к русским делам [16, с. 106]. Гаагская международная финансово-экономическая конференция проходила с 15 июня по 20 июля 1922 г.

История Гаагской конференции представлена как в работах ее участников и их современников, так и в общих трудах по истории внешней политики советского государства, написанных позднее [7; 8; 11; 20; 22; 24; 26]. Многие из этих работ хорошо фундированы и не потеряли своей научной значимости до сих пор. Среди них труды Л. Н. Нежинского, В. А. Шишкина, А. О. Чубарьяна, других историков [1; 2; 9; 18; 27; 29; 30], а также ряда зарубежных исследователей [32; 33; 34; 35].

Цель статьи – показать малоизвестные страницы дипломатической истории Гааги, раскрыть цели, которые советское руководство с учетом нового внешнеполитического курса в условиях нэпа преследовало участием России в конференции. Важным представляется показ работы по выработке тактики делегации Советской России, ее программы, в частности поиск границ возможных уступок со стороны Советской России требованиям западных держав в качестве условий оказания ей финансовой помощи. Раскрыть тему исследования помогают

материалы фондов Гаагской конференции Архива внешней политики РФ, документальные публикации [4; 5; 10; 17], труды и статьи государственных и политических деятелей того времени [12–15; 28]. Комплексному анализу подвергнуты материалы особой коллекции «Досье газетных вырезок из советской и мировой иностранной прессы за 1917–1935 гг.», хранящейся в Научном архиве Института российской истории РАН.

Что было выгоднее для России и стран Запада в начале 1920-х годов: изоляция Советской России от Европы или ее большая открытость по отношению к Западу, в частности к притоку западного капитала, являлись ли коммунистические идеи лишь «фасадом российского экономического здания»? [6] Эти вопросы интересовали как современников событий, так и исследователей более позднего времени.

Генуя, выяснив вопрос об условиях для договорных отношений между Россией и западными державами, дала возможность Гаагской конференции заняться поиском практических мер. Гаага, став продолжением Генуэзской конференции, была менее представительной. В ней приняли участие правительственные эксперты и крупные предприниматели, чьи интересы были связаны с Россией.

Конференция, как было задумано в Генуе, разделилась на две комиссии: Русскую и Нерусскую. В Нерусскую комиссию входили делегаты всех представленных в Генуе стран, кроме России; эта комиссия собралась в Гааге на 10 дней раньше Русской и должна была заняться изучением разногласий между советским правительством и правительствами других государств по вопросам о долгах, частной собственности и кредитах, а также выработкой по этим вопросам согласованных предложений. Совещания делегатов Нерусской комиссии начали работу 15 июня; они были объявлены закрытыми, представители прессы на них не допускались. Под руководством французских представителей Нерусская комиссия разработала предварительные условия для предъявления российской делегации.

Центральным на переговорах стал вопрос о судьбе национализированной иностранной собственности в России. Франция и Бельгия требовали ее безусловного возвращения, в то время как Великобритания и Италия были готовы удовлетвориться выплатой за нее денежной компенсации.

Как и перед Генуей, Франция пыталась сорвать конференцию или отсрочить ее, не допустить коллективного соглашения с Россией. Срыва конференции добивалось и американское правительство, выдвигавшее в течение последних двух лет предложение о создании специальной комиссии для изучения состояния дел непосредственно в России, которое советским правительством отвергалось.

2 июня 1922 г. премьер-министр Франции Р. Пуанкаре отправил правительству США и всем союзным правительствам меморандум, в котором настаивал на совещательном характере Гаагской конференции с участием экспертов, а не полномочных представителей государств. В программу Гаагской конференции он предлагал включить подробный перечень условий, которые Россия должна предварительно принять, и относительно которых все державы должны договориться прежде, чем они будут предъявлены русскому правительству¹. Гаагская конференция должна была ограничиться обсуждением трех сторон русской проблемы: вопросами о долгах, частной собственности и кредитах. В вопросе о долгах, как было указано во французском меморандуме, надлежало установить «различие между государственными и частными долгами». Советскому правительству предлагалось «признать все военные и довоенные долги России», но такое признание не предполагало «требования государствами-кредиторами немедленной уплаты капитальной суммы и процентов по военным долгам»². Относительно частных долгов Пуанкаре считал, что Советское правительство должно подчиниться решению арбитражной комиссии, которая рассмотрела бы претензии держателей русских бумаг и постаралась бы найти компромисс. Пуанкаре настаивал на полном признании частной собственности и возвращении бывшим собственникам национализированных иностранных предприятий в России.

11 июня правительство Великобритании согласилось с премьером Франции в том, что Гаагская конференция должна быть только совещанием экспертов, однако заявило о нецелесообразности предварительной выработки единой западной позиции. Английское правительство высказалось против Пуанкаре в вопросе о частной собственности: «Вернет ли рос-

¹ Научный архив ИРИ РАН. Гаагская конференция 1922 г. Ф. 22. Оп. 1. Д. 18. Л. 104.

² Научный архив ИРИ РАН. Гаагская конференция 1922 г. Ф. 22. Оп. 1. Д. 18. Л. 104.

сийское правительство бывшим собственникам конфискованные имущества или даст им возмещение – это вопрос, подлежащий исключительно его ведению. Навязывать российскому правительству какой бы то ни было принцип было бы, по мнению англичан, равносильным нарушению права, на что никогда не согласилось бы никакое суверенное государство» [3, с. 72]. Россия, каково бы ни было мнение иностранных держав о характере ее правительства, являлась именно таким суверенным государством, – говорилось в английском меморандуме. Предлагать, как это делал Пуанкаре, Нерусской комиссии выработать план восстановления России, без обмена мнениями с российской делегацией и предъявлять его последней в виде ультиматума, было бы извращением задач, возложенных Генуэзской конференцией на Гаагский форум³.

Настаивая на организации совещаний о совместной работе с российскими представителями, английское правительство между тем выражало пожелание, чтобы ни одно государство не заключало сепаратных соглашений с Россией.

На британскую ноту последовал ответ Франции, в котором вновь предлагалось выработать предварительное соглашение держав перед встречей с российской делегацией. По вопросу о частной собственности французское правительство признавало право реквизиции, но с условием возмещения, которое советское правительство при существовавших обстоятельствах не было в состоянии гарантировать. Французское правительство также считало невозможным согласиться на сокращение своих претензий к России по военным долгам. Оно было готово предоставить России льготы для уплаты долга, но «не считало возможным аннулировать какую бы то ни было часть причитавшихся ему сумм»⁴. По поводу довоенных долгов России правительство Франции настаивало на безусловном признании прав держателей русских облигаций и предоставлении советским правительством надежных гарантий их погашения. Французское правительство, как и британское, предлагало предоставлять России кредиты только в том случае, если она согласится на условия, удовлетворяющие заимодавцев.

Бельгийский министр иностранных дел Анри Жаспар поддержал французский меморандум, отметив, что бельгийские эксперты в Гааге будут при обсуждении «русского вопроса» отстаивать франко-бельгийскую точку зрения, усвоенную ими в Генуе⁵.

Правительство Италии не считало целесообразным предварительное согласование позиций стран Запада по русской проблематике⁶. Выступая в сенате с отчетом о подготовке к Гаагской конференции, министр иностранных дел Италии К. Шанцер заявил, что возвращение России в «круг европейской жизни» тесно связано с экономическим возрождением не только России, но и всей Западной и Центральной Европы, что Италия едет в Гаагу в надежде на соглашение с Россией, осознавая, однако, что успех форума будет зависеть от уступчивости последней⁷.

19 июня в Лондоне прошла встреча Ллойд Джорджа и Пуанкаре, на которой было достигнуто соглашение о сотрудничестве; оба премьера признали, что задача собравшихся в Гааге экспертов заключается в совместном с российской делегацией обсуждении практических способов решения существующих проблем [7, с. 193]. Эксперты должны были представить своим правительствам доклады о возможных условиях заключения удовлетворительного соглашения с Россией, но правительства оставляли за собой право действовать по собственному усмотрению.

Повестка дня Гаагской конференции включала вопросы о претензиях западных стран к Советскому государству, связанных с национализацией собственности иностранцев и аннулированием долгов царского и Временного правительств; о возможности и условиях предоставления кредитов России.

Советское руководство не питало иллюзий по поводу вероятных результатов конференции, однако решило использовать возможность для достижения соглашения об экономическом сотрудничестве с буржуазными государствами. 12 июня 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) утвердило директивные указания для советской делегации: 1) добиться получения займа (кредитов) на наиболее выгодных условиях; 2) уплату царских долгов и компенсацию нацио-

³ Научный архив ИРИ РАН. Гаагская конференция 1922 г. Ф. 22. Оп. 1. Д. 18. Л. 123.

⁴ Научный архив ИРИ РАН. Гаагская конференция 1922 г. Ф. 22. Оп. 1. Д. 18. Л. 120.

⁵ Научный архив ИРИ РАН. Гаагская конференция 1922 г. Ф. 22. Оп. 1. Д. 18. Л. 144.

⁶ Правда. 1922. 20 июня.

⁷ Научный архив ИРИ РАН. Гаагская конференция 1922 г. Ф. 22. Оп. 1. Д. 18. Л. 164.

нализированной собственности рассматривать только как одно из условий займа (т. е. в форме повышения процента по кредитам, но лишь в тех размерах, в каких оно не убивало бы целесообразность самого займа (кредита) и только в том случае, если это не будет трактоваться как уступка буржуазным нормам, обязывающим платить за старые долги; 3) признать минимумом займа 500 млрд (так в тексте. – Н. Б.), причем в качестве дальнейшей уступки соглашаться предоставить в виде залога под часть этого займа ценности; 4) в случае предоставления такого займа признать в принципе возможность компенсации по соглашению Советского правительства с бывшими собственниками, «но никакого арбитража; последняя инстанция – советский орган, о конструкции коего допустимы общие разговоры, но при непереносимом условии, что последнее слово – наше» [18, с. 140]. 15 июня на заседании Политбюро эти указания были дополнены пунктом о военных долгах, в отношении которых оставалась в силе директива о непризнании, данная ЦК делегации в Генуе [18, с. 140].

Председателем делегации РСФСР на Гаагской конференции был назначен заместитель народного комиссара по иностранным делам М. М. Литвинов, членами делегации – председатель Совета Народных Комиссаров Украины Х. Г. Раковский, народный комиссар внешней торговли Л. Б. Красин, полномочный представитель РСФСР в Берлине Н. Н. Крестинский, зам. народного комиссара финансов Г. Я. Сокольников.

М. Литвинов 7 июня 1922 г. писал в ЦК РКП(б) по вопросу о Гаагской конференции: «Если перед Генуэзской конференцией обе спорящие стороны – Запад и Советская Россия не знали позиций друг друга и терялись в догадках относительно взаимных требований, возможных уступок и т. д., то теперь мы можем оперировать с величинами, вполне определенными. Генуэзская конференция успешно выполнила роль зонда и отчетливо выяснила минимальные требования и максимальные уступки одной и другой стороны. В этом отношении Россия находится в лучшем положении, будучи более осведомлена о пределе уступок противной стороны»⁸. Он считал, что ни Англия, ни Франция, ни большинство нейтральных стран при существовавших там составах парламентов и правящих группировках политических сил, не пойдут на легализацию советского правительства без признания последним довоенных долгов и права бывших собственников – иностранцев на компенсацию в той или иной форме за национализированное в России имущество. Даже при выполнении этих условий Россия могла рассчитывать только на товарные кредиты с гарантией или без гарантий соответствующих правительств, денежные кредиты со стороны банков были возможны лишь под залог ценностей и движимого имущества, вывезенного за границу, а в небольших размерах также под концессии. Ожидать же изменения политической конъюнктуры в более благоприятную для Советской России сторону в ближайшем будущем не приходилось. Даже в случае признания советским правительством довоенных долгов и права на компенсацию национализированной собственности оставался открытым ряд важных вопросов менее принципиального характера (об арбитражных судах, о способах определения и признания претензий, о процентах, о валютной стоимости и т. д.), по которым Русской комиссии предстояло выдержать нелегкую борьбу⁹.

Одной из задач Гаагской конференции было выяснение размеров возможных кредитов советскому правительству, их формы и гарантий. Литвинов считал, что работа и исход этой конференции зависели от того, останется ли ЦК на прежней позиции отрицания права прежних владельцев-иностранцев на компенсацию, или же со стороны партийного руководства возможны в этом вопросе какие-либо уступки. В первом случае, по мнению Литвинова, Гаагская конференция была заранее обречена на неудачу, и работа комиссии свелась бы к формальному участию и повторению высказанной еще в Генуе аргументации. Во втором случае возможен был торг по ряду второстепенных вопросов, которые в общей сложности могли серьезно повлиять на общую сумму принимаемых на себя обязательств¹⁰. В связи с этим Литвинов ставил перед Политбюро вопрос, насколько необходимы для спокойного существования Советской Республики и расширения базы её внешнеэкономических отношений формальный мир с Западом (и отчасти с Востоком, Китаем и Японией) и международная легализация Советского правительства? В зависимости от ответа на этот вопрос следовало решить, не сможет ли Советская Россия игнорировать Запад, ограничиваясь незначительными операциями на внешнем рынке «в нынешнем масштабе, в меру ее вывозной способности»¹¹.

⁸ АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. Д. 2. П. 1. Л. 199.

⁹ АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. Д. 2. П. 1. Л. 200.

¹⁰ АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. Д. 2. П. 1. Л. 201.

¹¹ АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. Д. 2. П. 1. Л. 201.

В Гааге, по мнению советского руководства, предстояло в первую очередь заняться вопросом финансовой помощи России, и только после решения этого вопроса, следовало перейти к обсуждению других, не решенных в Генуе, проблем. «Для нас совершенно безразлично, получим ли мы кредиты непосредственно от правительств, парламентов или банкиров, фабрикантов, каких-либо синдикатов и т. п.; суть – в размере и условиях. Относительно гарантий договориться будет нетрудно», – считал М. Литвинов¹². Однако перед Гаагской конференцией он писал в Политбюро ЦК, что в Гааге вряд ли будут предложены кредиты, которые смогут удовлетворить Россию своими размерами и условиями, и «с большой долей вероятности» предсказывал окончательную неудачу Гаагской конференции, «даже если соглашение между Францией и Англией не состоится, и Америке не удастся навязать в Гааге новых более жестких для нас условий»¹³.

Советское правительство видело преимущества общего соглашения со всеми странами мира, в том числе с Францией и, особенно, с Америкой, однако, не считало возможным ради достижения такого результата идти на уступки, несовместимые с национальным суверенитетом. «До тех пор, пока Франция Пуанкаре не откажется от своих совершенно иллюзорных надежд на возможность навязывания нам ростовщических условий соглашения, уничтожения независимости республики и суверенности Советского правительства и экономического закабаления всей рабоче-крестьянской России, Украины и Закавказья; до тех пор пока Америка Юза и Гувера не перестанут обращаться к нам, вместо деловых предложений с высокомерными менторскими поучениями и доктринерскими лекциями о правилах хорошего поведения, – общее соглашение явно не осуществимо»¹⁴, – говорил Литвинов в интервью корреспонденту «Известий», опубликованном 18 июня 1922 г.

Конференция, с точки зрения советского руководства, могла рассчитывать на благоприятный исход лишь при следующих условиях: во-первых, если будет найден контрагент, с которым можно договориться конкретно и в обязательной для него форме относительно кредитов; во-вторых, если эти правительства будут действовать на собственный страх и риск, независимо от Франции и Америки, от соглашения уклонявшихся; в-третьих, если правительства, противостоявшие российскому, признают суверенитет Советской России и ее правительства. «Делегация выезжает в Гаагу с таким же твердым намерением отстаивать завоевания революции, суверенитет рабоче-крестьянского правительства и охранять интересы трудящихся масс, с каким она выезжала в Геную»¹⁵, – констатировал глава советской делегации.

19 июня 1922 г. русская делегация отбыла в Гаагу через Ригу в составе председателя – замнаркома по иностранным делам М. М. Литвинова, наркома финансов РСФСР Г. Я. Сокольникова и секретарей: А. М. Петровского, Б. Е. Штейна и Е. В. Крыленко; экспертов Г. Н. Лашкевича, С. К. Бельгардта и К. Н. Мусатова, а также технического персонала. Нарком внешней торговли Л. Б. Красин должен был выехать позже – по окончании всероссийского совещания уполномоченных Внешторга.

В Гаагу советская делегация прибыла 26 июня. Представители западных стран, начав работу 15 июня, успели о многом договориться. Делегация Советской России была приглашена во Дворец мира к председателю конференции Генеральному секретарю Министерства иностранных дел Голландии Рудольфу Йохану Хендрику Патену, который сообщил, что конференция будет состоять из трех подкомиссий: по частной собственности, долгам и кредитам. Российской делегации было предложено направить своих представителей во все подкомиссии. Однако советская сторона заявила, что её делегация намерена присутствовать во всех комиссиях в полном составе, причем третью подкомиссию – о кредитах – было предложено созвать в первую очередь. Тем самым давалось понять, что работа всех комиссий будет зависеть от решения вопроса о кредитах [7, с. 195]. Согласие на это было получено.

В Гааге российская делегация вела протоколы своих заседаний. В частности, в протоколе № 1 от 26 июня 1922 г., на котором присутствовали М. М. Литвинов, Н. Н. Крестинский, Г. Я. Сокольников (секретарем был Б. Е. Штейн) после обсуждения вопроса об участии Бельгии, Франции и Норвегии в работах Нерусской комиссии было решено послать председателю Нерусской комиссии запрос о том, приняли ли названные государства шесть пунктов Генуэз-

¹² Научный архив ИРИ РАН. Гаагская конференция 1922 г. Ф. 22. Оп. 1. Д. 18. Л. 155.

¹³ АВП РФ. Ф. 05. Оп.3. Д. 2. П. 1. Л. 13.

¹⁴ Научный архив ИРИ РАН. Гаагская конференция 1922 г. Ф. 22. Оп. 1. Д. 18. Л. 156.

¹⁵ Научный архив ИРИ РАН. Гаагская конференция 1922 г. Ф. 22. Оп. 1. Д. 18. Л. 156.

ской резолюции и на каких основаниях они участвуют в работах Гаагской комиссии¹⁶. На Штейна были возложены обязанности «внешних сношений» с Генеральным Секретариатом конференции, участие в подкомиссиях, секретарство в делегации и «контакт с экспертизой». Содержание всей делегации было принято на счет государства, сверх содержания было принято решение выплачивать ежедневно каждому сотруднику делегации 5 гульденов¹⁷.

На следующий день, 27 июня, Литвинов направил председателю Нерусской комиссии Патену запрос, участвуют ли в ней делегаты Франции, Бельгии и Норвегии на одинаковых с другими государствами основаниях [5, с. 461–462]. В полученном 5 июля ответе сообщалось, что все три вышеуказанных правительства постановили принять участие в работе комиссий, предусмотренных в шести пунктах, принятых 19 мая 1922 г. на пленарном заседании Генуэзской конференции, и поэтому они участвуют в Нерусской комиссии на равных с прочими государствами основаниях [5, с. 462].

В подкомиссию по вопросу о частной собственности, председателем которой был представитель Великобритании Филипп Ллойд Грим, входили делегаты Бельгии, Франции, Англии, Италии, Японии, Финляндии, Норвегии, Голландии, Румынии, Швеции и Швейцарии.

Подкомиссия по вопросу о русских долгах состояла из представителей Бельгии, Франции, Англии, Италии, Японии, Дании, Испании, Литвы, Голландии, Сербии и Швейцарии. Её возглавил глава французской делегации Ш. Э. Альфан, директор департамента государственных имуществ Франции, а также директор Бюро защиты частной собственности французских граждан в России.

Председателем подкомиссии о кредитах для России был барон К. Авеццано (Италия). В нее входили представители Бельгии, Франции, Англии, Италии, Японии, Болгарии, Эстонии, Греции, Латвии, Польши, Чехословакии.

Каждая комиссия состояла из 11 членов, и в каждой имелись представители всех пяти великих держав. Кроме того, Голландия оставляла за собой право принять участие в работе комиссии по кредитам для России в случае обсуждения там каких-либо вопросов, представлявших особый для нее интерес. Сербии и Румынии предоставлялось право поменяться местами в первых двух комиссиях.

Председатель конференции и председатели комиссий образовывали неофициальное правление конференции. Французы оговорили себе право отозвать своих экспертов из комиссий, если они сочтут себя вынужденными к этому поведением советских делегатов¹⁸.

27 июня прошло первое заседание подкомиссии о кредитах, на котором барон Авеццано заявил, что эксперты присутствуют в Гааге лишь для изучения вопросов, а не для принятия каких-либо решений. Затем он запросил от российской делегации сведения о кредитах, необходимых для реконструкции России. Во второй подкомиссии – по долгам – председатель также высказался о необязательности решений Гаагской конференции, предложив, однако, советской делегации представить сведения о бюджете и финансовых мероприятиях России. Та же процедура повторилась в третьей подкомиссии – о частной собственности: ее председатель сначала заявил, что в Гаагу приехали только эксперты, а затем потребовал информацию о том, какие предприятия советское правительство может сдать в концессию.

На заседании российской делегации 27 июня Литвинов сделал доклад о ближайшем заседании долговой подкомиссии, в котором подчеркнул недопустимость дальнейших уступок со стороны России: «Наша точка зрения по-прежнему будет заключаться в признании доверенных долгов (с обязательным мораториумом) и муниципальных. Противная сторона, вероятно, пойдет на списание военных долгов (англичане). Французы же от требований не откажутся»¹⁹. По предложению Литвинова было решено образовать особую комиссию в составе Г. Я. Сокольникова, Б. Е. Штейна и экспертов для подготовки записки о кредитах. Результаты работы комиссии Сокольников доложил на заседании советской делегации уже на следующий день: после обмена мнениями было решено утвердить испрашиваемую сумму кредитов в 3 200 000 000 золотых рублей²⁰.

Советская делегация считала (таково было и общее мнение Генуэзской конференции), что Гаага является продолжением Генуи. Но по сравнению с Генуей с первых же дней работы

¹⁶ АВП РФ. Ф. 0419 (Гаагская конференция 1922 г.). Оп. 1. Д. 37. П. 3. Л. 1.

¹⁷ Там же. (5 гульденов – примерно 4 золотых рубля; 2 золотых рубля – 1 доллар США).

¹⁸ Научный архив ИРИ РАН. Гаагская конференция 1922 г. Ф. 22. Оп. 1. Д. 18. Л. 188.

¹⁹ АВП РФ. Ф. 0419 (Гаагская конференция 1922 г.). Оп. 1. Д. 37. П. 3. Л. 2.

²⁰ Там же. Л. 3.

Гаагской конференции советская делегация объявила о готовности пойти на существенные уступки. Советское правительство, при условии получения кредитов для восстановления экономики и отказа от требований военных долгов, согласилось отказаться от контрпретензий за убытки, причиненные интервенцией и блокадой; признать довоенные государственные долги без начисления процентов за истекшее время; удовлетворить иностранных владельцев национализированных в Советской России предприятий путем предоставления им концессий на их прежние или другие предприятия [5, с. 465–473].

С изложением позиций советской делегации М. Литвинов выступил на втором заседании подкомиссии по кредитам 30 июня 1922 г. Он подчеркнул, что «цифры, которые были указаны, не являются общей суммой потребностей России, а общей суммой необходимых кредитов в иностранной валюте, т. е. платежей, имеющих быть произведенными за границей в форме заказов на иностранные товары» [5, с. 749]. Литвинов заметил, что все кредиты будут предназначены для наиболее существенных отраслей русской промышленности безотносительно к их географическому местонахождению. Это относилось и ко всем союзным России республикам.

Советская сторона предоставила список (из 185 объектов) [26, с. 19], хотя и неполный, тех предприятий, которые предполагалось сдать в концессию. Вопрос об этом списке был предварительно заслушан на заседании членов российской делегации 4 июля 1922 г., на котором Литвинов подчеркнул необходимость получения экономической выгоды от сдачи предприятий на концессионных началах. Он упомянул о своем разговоре с Ллойд Гримом, во время которого британский представитель (председательствовавший в подкомиссии по делам частной собственности), ссылаясь на заявление Л. Б. Красина и на мнение Ллойд Джорджа, заявил, что Россия вернет до 90 % иностранных предприятий²¹. Литвинов считал крайне важным эту иллюзию развеять.

На Гаагской конференции российские делегаты пользовались большой популярностью, особенно Л. Б. Красин, ответственный за внешнюю торговлю и полномочный представитель Советской России в Англии. Его личность неизменно вызывала интерес, как в собственной стране, так и на Западе. О работе Л. Б. Красина на конференции в Гааге Г. М. Кржижановский вспоминал: «Каким громадным престижем пользовался красный инженер и красный дипломат т. Красин даже у самых злобных противников, как превосходно парировал он удары...» [26; 27, с. 124]. Ллойд Джордж считал Красина способным и смелым политиком, но называл его «вообще не большевиком» [19, с. 126]. Среди большевистских лидеров он, видимо, был единственным технократом, умевшим находить общий язык и со своими соратниками, и с представителями западных деловых кругов [25, с. 37]. Популярность Красина могла объясняться и тем, как писал российский исследователь А. К. Соколов, что «он от имени советского правительства раздавал предложения о концессиях направо и налево, обещая иностранцам всякие выгоды и преимущества» [25, с. 38].

Между тем, Л. Б. Красин никогда не утверждал, что «нет спасения вне концессий»; он связывал концессионную политику с внешней торговлей, считая, что более смелое ее проведение является основным условием развития экспорта; достичь же каких-либо результатов эта политика, по его мнению, могла только по прошествии нескольких лет. На заседании подкомиссии частной собственности Красин заявил, что допустимый срок концессии для горных предприятий 50–60 лет, для лесных – 20 лет, 15 лет для сельскохозяйственных, для ирригационных систем он мог достигать 99 лет. Однако сдавать в концессию «существенные» отрасли промышленности он считал недопустимым, полагая, что они должны управляться государством, то же самое относилось к почте, телеграфу и радиотелеграфу [26, с. 19]. Возможными в принципе нарком внешней торговли считал концессии на морские и внутренние водные (в том числе речные) сообщения, но не на железные дороги.

Член советской делегации Кржижановский, возглавлявший Концессионный комитет при Госплане, на заседании российской делегации 4 июля 1922 г. предложил выдвинуть идеи партиципации (участие в смешанных предприятиях) и сверхконцессий (комбинатов), запросив об этом Москву. При принципиальном согласии большинства советских государственных и партийных руководителей на использование иностранного капитала в виде концессий, о формах и видах концессий шли бурные дискуссии. Среди членов советской делегации в Гааге возникли споры по вопросу об условиях концессионного договора. Разногласия вызвал во-

²¹ АВП РФ. Ф.0419 (Гаагская конференция 1922 г.) Оп. 1. Д. 37. П. 3. Л. 5.

прос о соотношении между долевым отчислением и налогами. Литвинов, в частности, предложил согласиться на возможность включения налогов в доленое отчисление концессионера с тем, чтобы концессионер был освобожден от взимания налогов. Он мотивировал это необходимостью дать концессионеру ясное представление о сумме всех платежей, которые у него будут требовать. Между тем, если концессионер будет подвергнут общему налоговому бремени, не зная размеров этого бремени и представляя себе их очень большими, он воздержится от заключения концессионного договора. Сокольников предложил гарантировать концессионеру, что налоговое бремя будет не выше самого высокого налогового бремени в буржуазном государстве. Кржижановский выдвинул предложение оставить как доленое отчисление, так и платеж общих налогов, но установить соотношение между этими двумя видами платежей. Однако после обмена мнениями было решено всем представить в письменном виде свои формулировки и запросить инструкции в Политбюро, а на следующем заседании подкомиссии частной собственности напомнить о советском декрете 23 ноября 1920 г. о концессиях и предложить западным партнерам более четко формулировать свои вопросы²².

В Гааге, как и в Генуе, российские представители дискутировали между собой, порой весьма жестко, и по другим принципиальным вопросам. Н. Н. Крестинский писал в Политбюро ЦК РКП, что делегация обсуждала вопрос о тех российских предложениях, которые дали бы возможность «протянуть Гаагскую конференцию», и сошлись на том, что таким предложением могла бы стать компенсация прежних собственников путем выпуска долгосрочных облигаций с началом выплаты процентов по ним в ближайшие годы. Уплата этими облигациями и стала бы основным способом компенсирования бывших иностранных собственников. Возвращение собственности в виде концессий и аренды рассматривалось как исключение по соглашению между советским правительством и бывшим собственником без принятия на конференции каких-либо общих норм подобного возвращения. Облигации обеспечивались специальным гарантийным фондом, образованным или из дохода от концессий, или из таможенных сборов²³. Однако все члены делегации считали, что практических результатов из этих предложений не выйдет, удастся лишь несколько продлить конференцию.

Главный результат первых трех заседаний всех подкомиссий на конференции сводился к тому, что обе стороны согласились обменяться информацией и условились о методах дальнейшей работы. Между тем, в кулуарах форума, по сообщению Бюро печати советской делегации на Гаагской конференции от 29 июня, интересовались лишь одним вопросом: начнутся ли, когда и в каком виде частные переговоры каких-либо капиталистических групп с российской делегацией [5, с. 483].

Советская делегация подготовила ответы на вопросы и представляла их на заседаниях подкомиссий. Получив ответы, члены подкомиссий требовали новых дополнительных данных. Советские представители со своей стороны также потребовали информации. В подкомиссии о долгах они просили предоставить им статистические данные о русских долгах по отдельным странам и отдельным категориям, в подкомиссии частной собственности – сведения о сумме иностранных убытков по отдельным странам.

4 июля 1922 г. после трехдневного перерыва состоялись заседания подкомиссий частной собственности и долгов. На заседании подкомиссии частной собственности ее председатель Ф. Ллойд Грим заявил, что сведения, «испрашиваемые Российской делегацией относительно размеров и характера притязаний иностранцев, представлены не будут, так как Нерусская комиссия находит представление этих сведений и невозможным, и нежелательным» [5, с. 486]. Что касается нежелательности получения подобных сведений, то Литвинов отказался понять даже возможность выставления такого аргумента. В конечном счете глава российской делегации был вынужден сделать заявление, что обмен информацией не носит двухстороннего характера, что российская делегация со своей стороны, не считая возможным становиться на путь Нерусской делегации, будет продолжать давать сведения, насколько это возможно, но что нежелание другой стороны предоставлять информацию неминуемо затян timer переговоры [5, с. 487].

На заседании подкомиссии по долгам в тот же день советской делегацией был сделан доклад о финансовом положении России. В докладе была дана характеристика российского бюджета с указанием источников его доходной части, показаны система кредитного обра-

²² АВП РФ. Ф. 0419 (Гаагская конференция 1922 г.). Оп. 1. Д. 37. П. 3. Л. 6–7.

²³ АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. Д. 2. П. 1. Л. 214.

ния и состояние счетов Государственного банка, размеры его операций; даны сведения о налогах, о кредитах и движении займов, о ценах на предметы потребления и т. д. Председательствовавший в подкомиссии представитель Франции Альфан передал советской делегации перечень вопросов о советских декретах, касавшихся долгов, о списке ценных бумаг по странам, выпущенных вне России, о гарантиях по займам, о сроках возобновления оплаты купонов и других, на которые желала получить ответы Нерусская комиссия.

Литвинов, зачитав этот список на заседании российской делегации 6 июля 1922 г., ответил лишь на некоторые из них. В итоге было решено вопрос о гарантиях по старым займам связать с гарантией по новым займам; на вопрос о купонах до получения ответа кредитной подкомиссии не отвечать; внести предложение о паушализовании²⁴.

На третьем заседании подкомиссии по долгам 7 июля Литвинов отметил, что касавшиеся долгов декреты были опубликованы в официальных советских источниках, он указал на декрет от 28 января 1918 г., дополненный декретом от 31 января 1918 г. об аннулировании долгов, и декрет от 16 сентября 1920 г. Однако председатель советской делегации напомнил, что нотой правительства Франции, Великобритании, Италии, Японии и США от 28 октября 1921 г. российское правительство заявило о готовности на определенных условиях признать известные категории долгов. Литвинов отметил, что в случае достижения соглашения «можно было бы подписать договор, который подлежал бы ратификации Центральным Исполнительным Комитетом Советов, что дало бы ему силу закона» [5, с. 750]. По вопросу о ценных бумагах им было заявлено, что Русская комиссия не имеет детальных данных и располагает лишь общими цифрами, не совпадающими с цифрами, представленными Нерусской комиссией. Отвечая на вопрос о гарантиях, Литвинов сказал, что этот вопрос для него неясен. Если речь идет о муниципальных займах, то, как российская делегация заявляла в Генуе, законными преемниками прежних должников являются городские Советы; по поводу возобновления оплаты купонов высказываться было бы преждевременно до тех пор, пока «работы подкомиссии по кредитам не продвинулись вперед». На дополнительные вопросы о бюджете Советской России и денежном обращении советские представители ответили на четвертом заседании подкомиссии по долгам 12 июля 1922 г., сделав заявление, что если цель вопросов – выяснить возможность российского правительства возобновить в ближайшем будущем уплату процентов, долгов и других обязательств, то состояние русских финансов этого не позволяет²⁵.

Наиболее значительным из уже проведенных в Гааге заседаний по общей оценке было заседание подкомиссии частной собственности 7 июля 1922 г., на котором Литвинов ознакомил делегатов с вопросом о концессиях, с рабочим законодательством, а также представил подробный список концессий во всех отраслях народного хозяйства, которые советское правительство было согласно предоставить иностранному капиталу. Перечень концессионных предприятий включал ранее действовавшие и действующие предприятия нефтяной, горной, лесной, бумажной, сахарной, цементной, химической и других отраслей промышленности с указанием наименования этих предприятий, их местонахождения и краткой характеристикой [3, с. 218–248].

После доклада Литвинову были заданы многочисленные вопросы об условиях предоставления концессии, механизме концессионной работы, о взаимоотношениях между государством и концессионерами, о возможности получения каких-либо преимуществ при получении концессий прежними собственниками. Однако ответ Литвинова, что прежние собственники будут пользоваться правом приоритета, оказался для членов Нерусской комиссии недостаточным. Это в свою очередь дало повод Литвинову указать на то, что Гагская конференция носит характер большого информационного бюро, и хотя российская делегация рада давать всякие сведения, цель конференции не в этом. Он отметил принципиальную разницу между делегациями Русской и Нерусской комиссий: «...в то время как последняя состоит из экспертов, которые по всем важным вопросам отмалчиваются, заявляя, как, например, в подкомиссии кредитов, что они в вопросе кредитов для Советского правительства ничего не могут решать и избегают даже давать информацию, Российская делегация состоит из членов Российского правительства, заявления которых имеют для России связующий характер» [5, с. 491–492]. В своей второй речи глава российской делегации подчеркнул, что от России хотят добиться получения концессий не на ее условиях, а на условиях будущих концессионеров – в

²⁴ АВП РФ. Ф. 0419 (Гагская конференция 1922 г.). Оп. 1. Д. 37. П. 3. Л. 8.

²⁵ АВП РФ. Ф. 0419 (Гагская конференция 1922 г.). Оп. 1. Д. 37. П. 3. Л. 8.

основном бывших собственников. Напомнив о советском заявлении на Генуэзской конференции, что если союзные державы будут настаивать на подобных претензиях, то и советское правительство будет требовать компенсации за союзную интервенцию в форме правительственных кредитов, Литвинов заметил, что нежелание обсуждать в Гааге не решенный в Генуе вопрос ведет к тому, что вопрос о компенсации иностранцам за причиненные им русской революцией убытки обсуждаться также не будет. Продолжение конференции в таком виде, по мнению Литвинова, было лишь тратой времени.

Между тем, ответ Ллойд Грима на критичную речь Литвинова говорил о нежелании Нерусской комиссии прерывать конференцию. Британский представитель отметил, что хотел бы лишь детально ознакомиться с условиями концессий и призвал вернуться к практической трактовке всех вопросов. Итог заседания подвел Л. Б. Красин, сказав, что прежде чем перейти к практическим вопросам, нужно установить основной принцип: ни в коем случае не может быть речи о восстановлении собственников в их правах [5, с. 492–493]. По поводу условий предоставления концессий Красин отметил, что они должны особо вырабатываться в каждом отдельном случае с конкретными кандидатами в концессионеры.

На заседании подкомиссии по делам частной собственности 12 июля бельгиец Катье отверг принцип удовлетворения бывших собственников посредством концессий, заявив, что речь может идти только о полной реституции или реальной компенсации. При этом председатель подкомиссии Ллойд Грим указал, что единственной формой реальной компенсации является реституция [3, с. 62–64, 70–71, 218–248]. Литвинов заметил, что нельзя говорить ни о какой компенсации, прежде чем не достигнуто удовлетворительного решения по вопросу о кредитах в других подкомиссиях. Пока России не будет оказана помощь теми, кто, по мнению российского правительства, несет большую часть ответственности за разрушение хозяйственной жизни России, считал он, российское правительство не чувствует себя обязанным давать компенсации иностранным подданным.

В ходе переговоров выяснилась неготовность и нежелание западных держав идти на какие-либо уступки Советской России.

В подкомиссии частной собственности развернулись наиболее острые дискуссии. Это объяснялось тем, что на конференции было много представителей деловых кругов, чьи интересы были тесно связаны с Россией. Так, делегатами от Великобритании были министр по делам внешней торговли Ф. Ллойд Грим и бывший директор правления Русско-Азиатского банка и бывший владелец Кыштымских и Ленских рудников Л. Уркарт. Делегатом от Франции был директор Бюро защиты частной собственности французских граждан в России Ш. Э. Альфан. От Бельгии присутствовали Катье, директор банка, имевший дело с русскими промышленными бумагами, и Витмер, генеральный секретарь Комитета защиты частной собственности бельгийских граждан в России. Польша была представлена Ястржембским, бывшим директором Русско-Азиатского банка. Японию представляли директор банка в Токио, владелец русских бумаг Яманучи и директор банка в Иокогаме, имевший интересы в сибирских делах, Окубо. От Дании присутствовали председатель Общества защиты датских претензий в России Андерсен и секретарь того же общества Петерсен [7, с. 198].

Г. М. Кржижановский писал, что Гаага резко отличалась от Генуи: «Куда делись отточенное остроумие и дипломатические страсти! Колонки, колонки сухих цифр, выступления, похожие на бухгалтерские отчеты. Вместо глав правительств, принимавших участие на предыдущей конференции, – представители деловых кругов и бывшие владельцы национализированных советским народом предприятий, лично заинтересованные в получении компенсации» [1, с. 210].

Советская делегация, решив сыграть на коммерческих интересах участников конференции, заявила о готовности Советской России предоставить иностранному капиталу концессии в нефтяной, угольной, железнодорожной и некоторых других отраслях промышленности. Главным условием предоставления концессии была выгода Советской России. Список концессионных предприятий не вызвал восторга их бывших владельцев. Так, предприятия Л. Уркарта были разделены на три разных концессионных объекта, принадлежавших разным отраслям советской промышленности.

Напомнив на заседании этой подкомиссии, что Москва будет придерживаться заявленной в Генуе позиции о предпочтительном праве бывших владельцев предприятий в России на получение ими концессий, российская делегация заявила о готовности пойти дальше и начать обсуждать формы компенсации тех бывших иностранных собственников, которые не

будут удовлетворены формой концессии, но только при условии, если Советское правительство получит определенное заявление о том, что ему будут предоставлены кредиты. В ответ подкомиссия отказалась обсуждать вопрос о кредитах, как относившийся к компетенции другой подкомиссии, однако потребовала от российской делегации безусловного признания реституции национализированной собственности иностранцев или ее полной компенсации.

14 июля 1922 г. на заседании подкомиссии кредитов советской делегации было сообщено, что, поскольку подкомиссия частной собственности из-за позиции делегации России сочла бесполезным продолжать переговоры, «правительства не могут гарантировать кредитов, для которых невозможно было добиться форм и обеспечить условия доверия, требующих помещения частного капитала» [31, с. 318]. Председатель подкомиссии по долгам Альфан в тот же день направил Патену письмо, в котором сообщал о принятой Нерусской комиссией резолюции о том, что ввиду создавшегося положения вторая Нерусская подкомиссия (о долгах) считает продолжение переговоров с Русской комиссией нецелесообразным [5, с. 497]. Французская делегация призывала делегации других стран к солидарности, но не возражала и против проведения еще одной встречи с советскими представителями.

В своем выступлении на заседании подкомиссии по кредитам совместно с Русской комиссией 14 июля Литвинов отметил, что задача Гаагской конференции заключалась в том, чтобы в спокойной атмосфере, без всякого политического давления, которое чувствовалось в Генуе, обсудить возможность сгладить выявленные на Генуэзской конференции разногласия. «Мы изменили наши взгляды на многие очень важные вопросы, – заявил он. – Так, в вопросе о компенсациях за национализированную собственность мы сделали шаг вперед. Если бы соглашение было достигнуто по другим пунктам, мы охотно согласились бы обсуждать дальнейшие вопросы, но, конечно, мы не можем делать определенные заявления относительно форм и условий компенсаций, пока мы не имеем необходимых сведений о том, насколько быстро будет приступлено к хозяйственному восстановлению России» [5, с. 499–500]. Поэтому для российской делегации был так необходим благоприятный ответ от кредитной подкомиссии. В Гааге она просила не правительственного займа, как это было в Генуе, а товарных кредитов от фабрикантов под правительственные гарантии.

Вывод о том, что Гаагская конференция представляет собой шаг назад по сравнению с Генуэзской, Литвинов подтвердил такими аргументами: в Гааге российской делегации отказывали в какой бы то ни было информации, даже в перечне иностранных имуществ в России, между тем список предоставляемых советским правительством концессий был подвергнут критике как неполный, не содержащий всех иностранных имуществ; в обсуждении практически всех советских предложений было отказано, предложение же об урегулировании русских обязательств во всем их объеме полностью игнорировалось. При существовавших условиях русские обязательства могли быть выполнены только в том случае, если бы были даны гарантированные кредиты советскому правительству. В Гааге российская делегация, по словам Литвинова, ни разу не обращалась к своему правительству за инструкциями, как это было в Генуе, так как никаких предложений не получала [5, с. 502–503]. Он назвал Гаагскую конференцию не положительной, а сугубо отрицательной.

Нерусская комиссия вела конференцию к срыву, надеясь обвинить в этом российскую сторону, не желавшую, по словам Ллойд Грима, проявлять дух примирения. «Объясняя такой исход кроме общего недоброжелательного, основанного на политических соображениях отношения большинства экспертов Нерусской комиссии к Российскому правительству, еще и тем, что работы конференции были искусственно разбиты между тремя подкомиссиями, и желая сделать еще одну попытку довести конференцию до благополучного конца», – сообщали члены советской делегации в докладе Совету Народных Комиссаров РСФСР о ходе работ и результатах Гаагской конференции 21 июля 1922 г. [5, с. 518]. Российская делегация обратилась 16 июля с письмом к Патену [5, с. 495–496], в котором выразила готовность пойти на обсуждение конкретных форм компенсации бывших собственников-иностранцев, если Нерусская комиссия одновременно приступит к обсуждению конкретных предложений о предоставлении России кредитов, а также просила созвать заседание президиума Нерусской комиссии совместно с российской делегацией для поиска способов продолжить работу и благополучно завершить конференцию.

В Нерусской комиссии наметились разногласия: французы выступали против участия в дальнейших переговорах, делегаты других стран, в том числе англичане, были за их продолжение. Однако победила точка зрения французов. Патен в письме М. Литвинову от 17 июля

1922 г. писал, что предложение российской делегации созвать заседание председателей трех Нерусских подкомиссий и членов Русской комиссии в целях совместного изучения возможности найти основу для продолжения переговоров фактически прерванных, является неприемлемым, так как председатели трех подкомиссий, не являясь органом Нерусской комиссии, не имели бы каких-либо прав в этом отношении [5, с. 504–505]. Письмо Русской комиссии было рассмотрено в трех подкомиссиях; встретиться с членами Русской комиссии согласилась только подкомиссия по делам частной собственности и то лишь для того, чтобы говорить о новых уступках со стороны России. Это заседание имело единственной целью предоставить советской делегации возможность сформулировать предложения, изменяющие ее предыдущие заявления.

Это предложение советская делегация принять отказалась, потребовав созвать совместное пленарное заседание Русской и Нерусской комиссий. В письме Патену 18 июля Литвинов отметил, что его письмо относилось к вопросам, не только входившим в компетенцию той или другой подкомиссии, но вообще ко всем вопросам, являвшимся целью Гаагской конференции. Переговоры были прерваны главным образом вследствие того, что ни одна из подкомиссий не могла прийти к окончательным заключениям, не имея заключения других подкомиссий. Российская делегация, желая найти новые пути к соглашению, предложила созвать общее собрание из председателей всех подкомиссий, не уполномоченных самостоятельно решать ни одного вопроса конференции. Поскольку никакого исполнительного органа Нерусской комиссии не существовало, Литвинов просил назначить пленарное заседание обеих комиссий для выработки основы для соглашения по вопросам порядка дня Гаагской конференции. Он писал Патену, что обе комиссии прибыли в Гаагу на равноправных основаниях и нельзя согласиться с тем, чтобы одна из них устанавливала для другой предварительные условия их встречи, особенно «в тот момент, когда отсутствие подобной встречи было бы равносильно разрушению работ не только Гаагской конференции, но также и Генуэзской, и уничтожила бы надежды стольких миллионов людей во всех странах Европы» [5, с. 504].

В тот же день, 18 июля, был получен ответ Патена на письмо М. М. Литвинова. Глава Нерусской комиссии сообщал, что для рассмотрения письма российской делегации Нерусская комиссия созвала заседание, на котором приняла решение о проведении совместного с Русской комиссией пленарного заседания, которое предлагалось провести на следующий день – 19 июля, в 11 часов утра [5, с. 505]. Однако цель пленарного заседания обеих комиссий оставалась все той же: заслушать новые советские предложения, т. е. сообщение о готовности Советской России идти на новые уступки. Патен, не согласный с изложенными в указанном выше письме Литвинова аргументами, считал, что переговоры в подкомиссиях зашли в тупик из-за того, что в результате полного и подробного рассмотрения каждого случая выявились различные мнения по важнейшим практическим вопросам и потому, что Русская комиссия не нашла способа отказаться от своих точек зрения, неприемлемых для Нерусской комиссии. Что же касается разделения комиссии на три подкомиссии, то, по мнению Патена, практика работы его полностью оправдала, позволив быстро и глубоко изучить все вопросы и дав возможность обеим комиссиям прийти к практическим решениям.

В письме М. Литвинова в НКИД от 18 июля 1922 г. председатель российской делегации писал, что «при данном составе иностранных делегаций, в особенности английской, при явном стремлении французов и бельгийцев во что бы то ни стало сорвать конференцию, ожидать каких-либо результатов от Гааги было трудно. Более глубокой причиной является внезапно выдвинувшаяся во всей своей катастрофичности германская проблема, поглотившая все внимание английского правительства. Для решения этой проблемы Ллойд Джорджу требуется на время сблизиться с Францией и, как раньше бывало в подобных случаях, первой уступкой со стороны Ллойда Джорджа является русский вопрос» [5, с. 506]. Литвинов оказался прав, предположив, что конференция примет резолюцию, предлагающую всем иностранцам не покушаться на концессии в России, принадлежавшие другим иностранным гражданам. Несмотря на запугивания англичан всеобщим бойкотом, Литвинов полагал, что Англии и Италии не избежать сепаратных переговоров. И действительно, после оглашения условий получения концессий и их список, в котором упоминались и нефтяные промыслы, единодушно негативное отношение англичан, французов и бельгийцев к советскому предложению было недолгим. Начались частные переговоры. Так, российская делегация была приглашена к представителю Италии барону Авеццано, к английскому – Филиппу Ллойд Гриму; ее посещали и представители малых держав, в частности поляки, румыны. По рассказам посетителей,

экспертов поразил список сдаваемых в концессию предприятий: там оказалось мало предприятий, принадлежавших иностранцам, особенно французам и бельгийцам [7, с. 199]. В частных беседах выяснилось, что никаких кредитов ни одно государство советскому правительству предоставлять не собиралось.

В таких условиях ни о каких новых уступках со стороны российской делегации речи быть не могло. Она настаивала на созыве пленума конференции (который еще ни разу не собирался) для того, чтобы попытаться договориться и выяснить истинные намерения представленных в Нерусской комиссии правительств.

19 июля 1922 г. состоялось первое (и последнее) пленарное заседание Гагской конференции. В своем выступлении на этом совместном заседании Нерусской и Русской комиссий М. М. Литвинов констатировал, что Нерусская комиссия отвергла российские предложения, не сделав никаких попыток четко сформулировать свои предложения, на основе которых могла бы рекомендовать своим правительствам возобновление отношений с Россией. В связи с этим он сам сформулировал, на основании сделанных отдельными представителями Нерусской комиссии в подкомиссиях, предложения: советское правительство признает в принципе свою обязанность уплатить довоенные долги и вознаградить тех иностранцев, бывших собственников в России, которые не получают удовлетворения в форме концессий, партиципации и т. д. При этом оно обязуется в течение двухлетнего срока прийти с заинтересованными лицами к соглашению о порядке уплаты долгов и вознаграждения [5, с. 519]. Если делегаты Нерусской комиссии, не имея достаточных полномочий выдвинуть Русской комиссии такие требования, запросят свои правительства об их отношении к этой формулировке, то российская делегация, в свою очередь, готова запросить указания российского правительства по этому вопросу.

Таким образом, российская делегация выражала согласие запросить при определенных условиях свое правительство, не беря на себя ответственности за результат этой попытки, согласно ли оно продолжать ведение переговоров после радикального изменения их базы – отказа от обсуждения на конференции вопроса о предоставлении или гарантировании кредитов российскому правительству и «удовлетвориться созданием такой логически вытекающей из формулировки Литвинова международной политической обстановки (признание Советского правительства де-юре), которая облегчала бы впоследствии получение необходимых кредитов уже не от правительств, а от частных лиц и групп» [5, с. 520].

Однако Нерусская комиссия не сочла возможным запросить свои правительства по поводу сделанного Литвиновым предложения. В тот же день, 19 июля 1922 г., она провела заседание и приняла резолюцию, в которой прямо заявила, что даже такие уступки со стороны России, как признание довоенных долгов и обязанности компенсировать бывших собственников иностранцев, а также возможный на определенных условиях отказ советской стороны обсуждать на конференции в Гааге вопрос о предоставлении или гарантиях кредитов Советскому правительству и об его контрпретензиях, «не явились бы достаточной базой для заключения с Россией общего соглашения» [5, с. 520]. Это означало, что комиссия фактически отказалась продолжать конференцию. Отпала и необходимость специального запроса правительства России со стороны советской делегации. Как писали 21 июля 1922 г. в отчете СНК о результатах Гагской конференции М. Литвинов, Л. Красин и Н. Крестинский, «Российская делегация убеждена, что если бы гаагские переговоры происходили в нормальной обстановке, то даже в Гааге могло бы состояться соглашение со всеми или, по крайней мере, со многими правительствами» [5, с. 520]. В переговорах они выделяли две стадии: первая отличалась спокойной деловой работой и характеризовалась тем, что российская делегация предоставляла Нерусской комиссии различные сведения, причем в короткие сроки и в наиболее полном виде; во второй – началось обсуждение взаимных конкретных предложений и требований; на этой стадии различия проявились и среди членов Нерусской комиссии, которая, однако, ни в одной из своих подкомиссий не дала ответов на поставленные российской делегацией вопросы.

Делегация Советской России предлагала обсудить общие условия послевоенного восстановления и международного сотрудничества в Европе, выйдя за рамки тех вопросов, которые в первую очередь интересовали западные страны – получение от России долгов и компенсаций. Однако без согласия России на выплату долгов, реституции собственности иностранцев и компенсации потерь от национализации западные страны обсуждать вопрос о кредитах отказались. Ни на какие уступки и соглашения с российской стороной западные представители не шли и при обсуждении других вопросов. На прямые вопросы российских экспертов, будут ли России даны кредиты, кредитная подкомиссия в конце концов заявила,

что никакие правительственные кредиты или правительственные гарантии частных кредитов советскому правительству предоставлены не будут. Все это привело к тому, что конференция была прервана, не завершив работы и не выполнив стоявших перед ней задач.

На следующий день после ее закрытия, 20 июля 1922 г., вновь собралась Нерусская комиссия и приняла по предложению бельгийского представителя Катье резолюцию, рекомендующую всем правительствам стран, представленных на конференции, и другим государствам не поддерживать «своих подданных в их попытках приобрести в России имущество, ранее принадлежавшее иностранным подданным и конфискованное после 1 ноября 1917 г., без согласия их иностранных владельцев или концессионеров, – при условии, чтобы всеми правительствами, принимавшими участие в Гаагской конференции, было на это обращено внимание всех не представленных здесь правительств и чтобы никакое решение не было принято иначе, как совместно с этими правительствами» [5, с. 752–753]. Эту резолюцию, добавил Катье, одобрило не представленное на конференции правительство США, поручив ему сделать об этом официальное заявление. Резолюция Нерусской комиссией была принята, таким образом возможность двусторонних соглашений исключалась.

Гаагская конференция длилась более месяца и формально закончилась безрезультатно. Советской делегации не удалось добиться согласия на внешние кредиты и займы для России; западные страны не стали обсуждать вопрос о предоставлении займов советскому правительству, требуя от него отказа от основных принципов внутренней и внешней политики, а не частных уступок по долговым обязательствам. Однако определенные положительные результаты Гааги для Советской России все-таки были: сыграв на коммерческих интересах участников конференции, российская делегация предложила им список предприятий в различных отраслях промышленности для сдачи в концессию. После Гааги Россией были подписаны соглашения ряду концессий. Развитие различных форм хозяйственных связей Советской России с западными странами прокладывало путь к нормализации политических отношений между ними, став в дальнейшем одной из важных предпосылок дипломатического признания советского государства.

Список литературы

1. Архивы раскрывают тайны: международные вопросы: события и люди / Сост. Н. В. Попов. М., 1991.
2. Быстрова Н. Е. Советская Россия на конференциях в Генуе и Гааге 1922 г.: взгляд из Кремля. М., 2020.
3. Гаагская конференция. Полный стенографический отчет. Изд. НКВД. М., 1922.
4. Документы внешней политики СССР. Т. 4. М., 1960.
5. Документы внешней политики СССР. Т. 5. М., 1961.
6. Дьяконова И. А. Русские долги и Запад (по швейцарским архивам). М., 2008.
7. История дипломатии. М.-Л., 1945. Т. 3.
8. История международных отношений и внешней политики СССР : в 3 т. Т. 1. 1917–1945 гг. М., 1986.
9. Катасонов В. Ю. Генуэзская конференция в контексте мировой и российской истории. М., 2015.
10. Коминтерн и идея мировой революции : документы. М., 1998.
11. Кутовой Е. Г. Международные переговоры на перекрестках цивилизаций. М.-СПб., 2016.
12. Ленин В. И. Известные документы. 1891–1922 гг. М., 2000.
13. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 44. М., 1974.
14. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 45. М., 1970.
15. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 54. М., 1978.
16. Любимов Н. Н., Эрлих А. Н. Генуэзская конференция (Воспоминания участников). М., 1963.
17. Москва – Рим. Политика и дипломатия Кремля. 1920–1939. Сборник документов / Отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М., 2002.
18. Нежинский Л. Н. В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917–1933 годах. М., 2004.
19. О'Коннор Тимоти Э. Инженер революции. Л. Б. Красин и большевики. 1870–1926. М., 1993.
20. Очерки истории Министерства Иностранных дел России : в 3 т. М., 2002. Т. 2 (1917–2002).
21. Рубинштейн Н. Л. Внешняя политика Советского государства в 1921–1925 гг. М., 1953.
22. Сидоров А. Ю., Клейменова Н. Е. История международных отношений. 1918–1939 гг. М., 2006.
23. Системная история международных отношений : в 4 т. Т. 2. Документы 1918–2000. М., 2000.
24. Советская внешняя политика. 1917–1945 гг. Поиски новых подходов. М., 1992.
25. Соколов А. К. Советское нефтяное хозяйство. 1921–1945 гг. М., 2013.
26. Хромов С. С. Иностранные концессии в России. Исторический очерк. Документы. Ч. 1. М., ИРИ РАН, 2006.
27. Хромов С. С. Леонид Красин. Известные страницы биографии. 1920–1926. М., 2001.

28. Чичерин Г. В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961.
29. Чубарьян А. О. Дипломаты ленинской школы. М., 1982.
30. Шишкин В. А. Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1930 годы) и капиталистический мир: от революционного «западничества» к «национал-большевизму». СПб., 2002.
31. Шишкин В. А. Советское государство и страны Запада в 1917–1923 гг. Л., 1969.
32. Day Richard B. Leon Trotsky and the Politics of Economic Isolation. Cambridge, 1973.
33. Fischer L. The Soviets in World Affairs: A History of the Relations between the Soviet Union and the Rest of the World, 1917–1928. N. Y., 1980. Vol. 1-2.
34. Kennan G. F. Soviet foreign policy, 1917–1941. Princeton, N. J., 1960; Genoa, Rapallo, and European reconstruction in 1922 / Ed. by Carole Fink, Axel Frohn. Wash., N. Y., 1991.
35. White S. Britain and the Bolshevik Revolution: A Study in the Politics of Diplomacy 1920–1924. N. Y., 1980.

Soviet Russia at the Conference of the Hague, 1922

N. E. Bystrova

Doctor of Historical Sciences, scientific secretary of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.
Russia, Moscow. E-mail: iriran@mail.ru

Abstract. The article shows the little-known pages of the diplomatic history of the international financial and economic conference held from June 15 to July 20, 1922 in The Hague. The Hague was a continuation of the Genoa Conference held in the same year. It was attended by government experts and large entrepreneurs whose interests were closely connected with Russia. The Hague Conference, according to the Soviet leadership, had first of all to deal with the issue of financial assistance to Russia, and only after a successful solution of this issue for the country, it was possible to move on to discussing other issues that had not been resolved in Genoa.

Using the new archival material, in particular the special collection "Dossiers of newspaper clippings from the Soviet and world foreign press for 1917–1935", stored in the Scientific Archive of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, with the involvement of the works of his predecessors, the author showed the development of the tactics of the Russian delegation at the conference, its program. The agenda of the Hague Conference included such key issues as the claims of Western countries to the Soviet state related to the nationalization of foreign property and the cancellation of debts of the tsarist and Provisional governments, the possibility and conditions for granting loans to Russia. In The Hague, the Russian delegation declared its readiness to start discussing forms of compensation for those former foreign owners who would not be satisfied with the form of the concession, provided, however, that the Soviet government receives a certain application for granting it loans. However, without Russia's consent to the payment of debts, restitution of property of foreigners and compensation for losses from nationalization, Western countries refused to discuss the issue of loans. After The Hague, the movement of the Bolshevik government towards real politics intensified; the development of various forms of economic relations between Soviet Russia and Western countries paved the way for the normalization of political relations between them, which later became one of the important prerequisites for the diplomatic recognition of the Soviet state.

For historians, teachers of social sciences, a wide range of readers.

Keywords: Russian problem, debts, private property, loans, Russian and Non-Russian commissions, concessions.

References

1. *Arhivy raskryvayut tajny: mezhdunarodnye voprosy: sobytiya i lyudi* – Archives reveal secrets: international issues: events and people / Comp. N. V. Popov. M. 1991.
2. Bystrova N. E. *Sovetskaya Rossiya na konferencyah v Genue i Gaage 1922 g.: vzglyad iz Kremlya* [Soviet Russia at the conferences in Genoa and The Hague in 1922: a view from the Kremlin]. M. 2020.
3. *Gaagskaya konferenciya. Polnyj stenograficheskij otchet* – The Hague Conference. Full verbatim report. NKID. M. 1922.
4. *Dokumenty vneshnej politiki SSSR* – Documents of the foreign policy of the USSR. Vol. 4. M. 1960.
5. *Dokumenty vneshnej politiki SSSR* – Documents of the foreign policy of the USSR. Vol. 5. M. 1961.
6. D'yakonova I. A. *Russkie dolgi i Zapad (po shvejcarskim arhivam)* [Russian debts and the West (according to the Swiss archives)]. M. 2008.
7. *Istoriya diplomatii* – History of diplomacy. M.-L. 1945. Vol. 3.
8. *Istoriya mezhdunarodnyh otnoshenij i vneshnej politiki SSSR : v 3 t. T. 1. 1917–1945 gg.* – The history of international relations and foreign policy of the USSR : in 3 vols. Vol. 1. 1917–1945. M. 1986.
9. Katasonov V. Yu. *Genuezskaya konferenciya v kontekste mirovoj i rossijskoj istorii* [Genoa conference in the context of world and Russian history]. M. 2015.

10. *Komintern i ideya mirovoj revolyucii : dokumenty* – The Comintern and the idea of world revolution : documents. M. 1998.
11. *Kutovoj E. G. Mezhdunarodnye peregovory na perekrestkah civilizacij* [International negotiations at the crossroads of civilizations]. M.-SPb. 2016.
12. *Lenin V. I. Neizvestnye dokumenty. 1891–1922 gg.* [Unknown documents. 1891–1922]. M. 2000.
13. *Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij. Izd. 5. T. 44* [Complete works. Ed. 5. Vol. 44]. M. 1974.
14. *Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij. Izd. 5. T. 45* [Complete works. Ed. 5. Vol. 45]. M. 1970.
15. *Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij. Izd. 5. T. 54* [The complete collection of works. Ed. 5. Vol. 54]. M. 1978.
16. *Lyubimov N. N., Ehrlieh A. N. Genuzzskaya konferenciya (Vospominaniya uchastnikov)* [The Genoa Conference (Memoirs of participants)]. M. 1963.
17. *Moskva – Rim. Politika i diplomatiya Kremlya. 1920–1939. Sbornik dokumentov* – Moscow-Rome. Politics and diplomacy of the Kremlin. 1920–1939. Collection of documents / Ed. G. N. Sevostyanov. M. 2002.
18. *Nezhinskij L. N. V interesah naroda ili vopreki im? Sovetskaya mezhdunarodnaya politika v 1917–1933 godah* [In the interests of the people or in spite of them? Soviet International Politics in 1917–1933]. M. 2004.
19. *O'Connor Timoti E. Inzhener revolyucii. L. B. Krasin i bol'sheviki. 1870–1926* [Engineer of the Revolution. L. B. Krasin and the Bolsheviks. 1870–1926]. M. 1993.
20. *Ocherki istorii Ministerstva Inostrannyh del Rossii : v 3 t.* – Essays on the history of the Ministry of Foreign Affairs of Russia : in 3 vols. M. 2002. Vol. 2 (1917–2002).
21. *Rubinstejn N. L. Vneshnyaya politika Sovetskogo gosudarstva v 1921–1925 gg.* [Foreign policy of the Soviet state in 1921–1925]. M. 1953.
22. *Sidorov A. Yu., Klejmenova N. E. Istoriya mezhdunarodnyh otnoshenij. 1918–1939 gg.* [History of international relations. 1918–1939]. M. 2006.
23. *Sistemnaya istoriya mezhdunarodnyh otnoshenij : v 4 t. T. 2. Dokumenty 1918–2000* – System history of international relations : in 4 vols. Vol. 2. Documents 1918–2000. M. 2000.
24. *Sovetskaya vneshnyaya politika. 1917–1945 gg. Poiski novyh podhodov* – Soviet foreign Policy. 1917–1945 The search for new approaches. M. 1992.
25. *Sokolov A. K. Sovetskoe neftyanoe hozyajstvo. 1921–1945 gg.* [Soviet oil economy. 1921–1945]. M. 2013.
26. *Hromov S. S. Inostrannye koncessii v Rossii. Istoricheskij ocherk. Dokumenty. Ch. 1* [Foreign concessions in Russia. Historical essay. Documents. Part 1]. M. IRI RAS. 2006.
27. *Hromov S. S. Leonid Krasin. Neizvestnye stranicy biografii. 1920–1926* [Leonid Krasin. Unknown biography pages. 1920–1926]. M. 2001.
28. *Chicherin G. V. Stat'i i rechi po voprosam mezhdunarodnoj politiki* [Articles and speeches on international issues]. M. 1961.
29. *Chubar'yan A. O. Diplomaty leninskoj shkoly* [Diplomats of Lenin school]. M. 1982.
30. *Shishkin V. A. Stanovlenie vneshnej politiki poslerevolucionnoj Rossii (1917–1930 gody) i kapitalisticheskij mir: ot revolyucionnogo "zapadnichestva" k "nacional-bol'shevizmu"* [Formation of the foreign policy of post-revolutionary Russia (1917–1930 years) and the capitalist world: from the revolutionary "Westerners" to "national Bolshevism"]. SPb. 2002.
31. *Shishkin V. A. Sovetskoe gosudarstvo i strany Zapada v 1917–1923 gg.* [The Soviet state and the countries of the West in 1917–1923]. L. 1969.
32. *Day Richard B. Leon Trotsky and the Politics of Economic Isolation.* Cambridge, 1973
33. *Fischer L. The Soviets in World Affairs: A History of the Relations between the Soviet Union and the Rest of the World, 1917–1928.* N. Y., 1980. Vol. 1-2.
34. *Kennan G. F. Soviet foreign policy, 1917–1941.* Prinseton, N. J., 1960; Genoa, Rapallo, and European reconstruction in 1922 / Ed. by Carole Fink, Axel Frohn. Wash., N. Y., 1991.
35. *White S. Britain and the Bolshevik Revolution: A Study in the Politics of Diplomacy 1920–1924.* N. Y., 1980.